

Темнота перед глазами, мысли путаются. В голове звучит вопль. Это отголосок его собственного крика. Мозг отказывается обрабатывать любую внешнюю информацию. Стоп. Информацию, какую информацию?

«Где я? Что случилось? Почему я ничего не вижу? Я ослеп?» — с огромным трудом, как будто сдвигая с места бронепластину с иллюминатора, он приподнял веки.

«Бронепластина. Знакомое слово, только что оно означает?» — от поднятия век ничего не изменилось. Однако, он почувствовал, что веки цепляют какую-то помеху. И попытался эту помеху снять.

Нда... Вы когда-нибудь видели насекомых в янтаре? Тело даже не дрогнуло. Он вообще его не ощущал, как будто от всего тела остались глаза с веками, пересохший от жажды рот и уши, в которых шумела кровь. Тут мысль внезапно совершила скачок. Раз есть кровь, значит она по чему-то течёт, и что-то её перекачивает.

Ощущений вдруг скачком прибавилось. Голова запрокинута назад и лежит на чём-то мягком. Глаза закрывает повязка. На лоб и виски давит какая-то лента или обруч. Фиксатор? А вот тело, тело, похоже, плавает в воде или в каком-то растворе. Причём тело Лёня чувствует как-то странно. Ну, примерно, как человек, который отлежал себе руку. То есть, вот она есть, и пошевелить вроде можешь, а своей её не чувствуешь. Пошевелиться по-прежнему не получается. И тут он понял, что кроме шума в ушах слышит что-то ещё.

— Как он, доктор?

— Ну, батенька, про него точно можно сказать, в рубашке родился. Компрессионный перелом позвоночника, сочетанная травма грудной клетки. Правое лёгкое чуть не в смятку. Ожог лица третьей степени. Как глаза-то сохранились? Но это всё мелочи. Недели за три-четыре поправим.

«Три-четыре недели? Что он говорит? С такими травмами вообще не живут».

Тут перед Лёниными глазами вспыхнул момент с падающим на него многотонным электромагнитом. А доктор между тем продолжал

— Мне гораздо больше не нравится то, что происходит у него с головой. Внешних травм, кроме ожогов, нет. А он уже десять часов лежит без сознания. Хотя приборы показывают сильную мозговую активность. А несколько минут назад был всплеск, характерный для бодрствующего мозга...

И тут Лёня решил, что ему пора вмешаться в разговор. Однако, вместо слов из горла вырвался едва различимый хрип.

— О! Лёня, Лёня, ты очнулся? Лёня, это я, Николай.

Напрягая все силы Лёня прохрипел:

— Пи-и-ить.

— Понял, понял. Сейчас. Это можно, доктор?

И Лёня ощутил у губ холодный край чашки. Прохладный яблочный сок хлынул в горло, смывая ощущение сухости.

— Ну хватит, хватит. Ну-с, как мы себя чувствуем, молодой человек?

— Ничего не болит, но тело чувствую как-то странно и пошевелиться не могу.

— Ну это нормально. Пока спинной мозг не срастётся, придётся вам в фиксаторах побыть. Завтра процедуру ещё повторим.

--«Срастётся? Спинной мозг? Это же паралич», — заметались в голове испуганные мысли. Но язык между тем продолжал:

— А что у меня с глазами?

— Ожог роговицы. Но это мы уже поправили. А вот с лицом чуть похуже. Кожа плохо поддаётся восстановлению. Придётся вам ещё месяц после выписки со шрамами ходить.

«Что он говорит? Ничего не понимаю. Ведь коллоидные ожоговые рубцы не заживают».

Лёня вспомнил жившего в их дворе старика, который в отечественную горел в танке. Страшные синие бугристые шрамы превращали его лицо в какое-то перепаханное взрывами поле. А он про месяц говорит. Доктор, между тем, продолжал:

— Так. Вы помните, как вас зовут и что с вами произошло?

— Леонид Ха-афф... — у Лёни перехватило дыхание, — ...арламов. Взрыв, во время эксперимента.

— Ну вот и молодец. Лежите выздоравливайте и ни о чём не беспокойтесь.

— Доктор, тут одна девушка, очень хочет пройти.

— Нет-нет. Ещё десять дней никаких посещений. Можете ей передать, что больной пришёл в себя.

Послышался звук закрывшейся двери. Только впитавшаяся с детства в плоть и кровь привычка к скрытности заставила Лёню удержаться от множества вопросов. Что это за клиника, и как здесь лечат? Перелом позвоночника не лечат нигде. Ходили какие-то слухи про сломавшего спину атлета Дидуля, но в любом случае это дело лет, а не дней. Тем более в сочетании с раздробленной грудной клеткой.

Внезапно, в глубине черепа, раздался голос. Он был лишён любой эмоциональной окраски и походил на голос робота из мультфильма.

— "Закливание номер один. Самодиагностика", — и перед мысленным взором вспыхнула сложная трёхмерная конструкция из знакомых светящихся строчек. — "Активация", — правая рука попыталась дёрнуться, и пальцы сжались, как будто привычно нажимая на какие-то кнопки. Естественно, ни на что нажать он не смог. Тем не менее, конструкция мгновенно как будто всосалась в тело, и через несколько секунд Лёня понял, что он абсолютно точно знает, что не так с его телом. При этом, это знание, естественно, присутствовало не в виде листочка с перечнем медицинских терминов, а в виде цветного трёхмерного изображения, в некоторых зонах которого Лёня чувствовал, что что-то не так. Причём слово «чувствовал», едва ли точно передавало то инстинктивное ощущение неправильности. Более того, на таком же инстинктивном уровне ощущалось, что необходимо сделать, чтобы вернуть тело в норму. Ощущение было сродни чесотке. И знаешь, что расчёсывать нельзя, а пальцы сами чешут.

«Так, стоп-стоп-стоп! Я сейчас могу такого наделать, что никакой врач потом не разберётся. Давай потихоньку», — и, поколебавшись ещё несколько секунд, Лёня запустил процесс в правой руке, где неправильность ощущалась в районе локтевого сустава. — «Мать!.. Моя женщина. Если кто-то думает, что чинить локтевые суставы, даже с помощью магии, это легко и приятно, то он сильно ошибается».

Температура в районе локтя, видимо с целью подстегнуть обмен веществ, подскочила градусов до сорока. Под кожей, казалось, забегали сотни муравьёв, которые своими лапками и, мать их, челюстями собирали разбитый сустав. Лёне оставалось только скрипеть зубами и проклинать собственную тупость.

«Хорошо, что я ещё с позвоночника не начал. Больно-то как».

Минут через пятнадцать ощущения притупились, видимо все части разбитого сустава встали на место. И процесс пошёл более безболезненно.

«Фу-ух», — Лёня автоматом хотел вытереть выступивший на лбу пот, но рука, естественно, только дёрнулась в фиксаторе. — «Ах ты ж! Так, что тут сделать-то можно?»

— Активировать в организме процесс производства эндоморфинов и заблокировать нервные окончания в месте регенерации, — опять произнёс внутренний голос.

И новая светящаяся конструкция всосалась в тело. Боль, как скальпелем отрезало, руку ниже плеча Лёня теперь просто не чувствовал. Более того, в организме появились признаки такой лёгкости и счастья, что Лёня, ничтоже сумняшеся, решил заняться сразу и лицом. Но тут свалившаяся на него слабость, а затем буквально нестерпимое чувство голода дали понять, что на сегодня хватит. Естественно, восстанавливала сустав магия, а вот ресурсы на восстановление организм брал у себя. И теперь он решительно напоминал хозяину, что их необходимо пополнить. Поскольку есть ночью ему никто не предлагал, Лёня начал потихоньку впадать в забытё, но всё-таки он обратил внимание: обычно между призывом силы и её приходом проходило десять-пятнадцать секунд. А сейчас она появилась мгновенно.

«И ещё. Надо будет разобраться, что это за голос такой...»

Утро для Лёни началось с вопроса, который не изменился, наверняка, со времён Гиппократ и Авиценны.

— Ну, больной, как мы себя чувствуем?

Глаза Харламова по-прежнему были закрыты повязкой, но стоило ему сделать какое-то специфичное усилие, название которому он пока не придумал, как не глазами, а чем-то иным, он увидел.

Большая комната с двумя окнами. Посередине находится какой-то странный агрегат, в котором плавает Лёня. Рядом с агрегатом стоял высокий худой человек в халате и внимательно смотрел на какую-то плоскую, размером с книгу, коробочку. Добавить усы, бородку и точно Дон Кихот в исполнении Черкасова.

— Неплохо, доктор. Только слабость очень сильная. И локоть всю ночь болел.

— Ну, слабость это понятно. Мы вам вчера регенерацию малость подстегнули. Небось ещё и

есть хотите?

— Ну, да.

— А вот локоть... Нам вчера некогда было руками-ногами заниматься. Надо было вас с того света вытаскивать. Давайте мы сейчас посмотрим, что у нас сегодня.

С этими словами доктор нажал на какую-то кнопку, и на ложе Харламова стала наползать крышка, похожая на половинку разрезанной вдоль трубы. Затем вдоль всего тела Лёни проехался весёлый лучик света.

— Так. Так. А вот это уже очень интересно.

— Ну как, доктор? — не выдержал Лёня.

— Ну что ж, сломанные рёбра и позвонки мы вам зафиксировали. Процесс регенерации внутренних органов начался. Скоро начнёт болеть, но тут уж ничего не поделаешь. Срок заклинания обезболивания заканчивается.

«Заклинания», — ошарашенно подумал Лёня.

— А вот с вашим локтем всё в порядке. Как новенький. Ни перелома, ни вывиха. Чего он у вас болел-то? Может, ушиб мягких тканей. Нет, и кровоизлияния не видно. А если так?.. — голос доктора всё больше скатывался в какое-то бормотание.

— Доктор, — позвал Лёня.

— А, да, извините. Так вот, с локтем у вас всё в порядке. А вот вашей правой ногой я сейчас займусь.

Он вытащил из кармана халата какую-то коробочку и нажал на ней несколько кнопок. Ошарашенный Лёня снова увидел знакомую светящуюся конструкцию, которая всасывалась в его правую ногу. Он захотел приглядеться к ней повнимательней. Внутреннее время покорно затормозилось, и конструкция послушно остановилась перед его мысленным взором. Она походила на то, что он видел вчера, но была менее яркой и не такой сложной.

— Лечебное заклинание фиксации, — раздался знакомый с вечера голос. Лёня внезапно понял, что если переставить несколько элементов в другом порядке, то заживление пойдёт быстрее. Снова непонятным усилием он заменил соответствующие элементы. Снаружи были видны застывший врач, с поднятой рукой и наполовину ушедшая в ногу конструкция. Ничего себе, похоже на кнопку «стоп» на кинопроекторе. Лёня отпустил тормоз. Кости правой ноги зашевелились, принимая нужное положение.

— Ну вот и всё, молодой человек. Твёрдую пищу вам есть пока рановато, так что физраствор номер семь, — Лёня почувствовал, как что-то кольнуло его в предплечье. — Выздоровливайте. После обеда я ещё загляну.